

5. Naumenko G.M. Etnografiya detstva: sbornik fol'klornykh i etnograficheskikh materialov [Ethnography of childhood: a collection of folklore and ethnographic materials]. Moscow, 2013. 368 p.

6. Novye slova i znachenii: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka [New words and meanings: dictionary based on materials of press and literature of 90th of XX century: in 2 v.]. V. 1. Saint Petersburg, 2009. 815 p.

7. Propp V.Ia. Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad, Publisher Leningrad University, 1986. 365 p.

8. Russkie zagovory Karelii [Russian Karelia plots]. Petrozavodsk, 2000. 276 p.

9. Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheski slovar' [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary]: in 5 v. V. 2. Moscow, 1999. 697 p.

10. El'konin D.B. Izbrannye psikhologicheskie trudy [Selected psychological works]. Moscow, 1989. 554 p.

УДК 008:398.21

Е.Н. СУВОРКИНА

**ЭРЗАЦ-ОТНОШЕНИЯ В СУБКУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА
(РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ) В ВЕЛИКОРУССКИХ СКАЗКАХ
В ЗАПИСЯХ И.А. ХУДЯКОВА**

Суворкина Елена Николаевна, кандидат культурологии, заведующая сектором систематизации научной библиотеки Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань, ул. Свободы, 46), suvorkina@list.ru.

Аннотация. В статье ставится цель в соответствии с выделенными автором моделями эрзац-отношений в субкультуре детства в контексте родственных связей (мачеха (эрзац-мать); отчим (эрзац-отец); эрзац-родители; эрзац-бабушка / дедушка; суррогатное материнство) проанализировать сказки, записанные выдающимся фольклористом И.А. Худяковым.

Ключевые слова: эрзац-отношения, субкультура детства, ребенок, фольклор, сказка, И.А. Худяков, эрзац-мать, мачеха, эрзац-отец, отчим, эрзац-родители, падчерица.

UDC 008:398.21

E.N. SUVORKINA

**PSEUDO-RELATIONSHIPS IN THE SUBCULTURE OF CHILDHOOD
(FAMILY TIES) IN THE GREAT TALES IN THE BOOK BY I.A. KHUDYAKOV**

Suvorkina Elena Nikolaevna, PhD (cultural studies), section head of the scientific library of systematization of Ryazan state university named after S.A. Esenin (Ryazan, Svobody str., 46), suvorkina@list.ru

Abstract. In this article the aim is in accordance with the selected author models ersatz relationships in childhood subculture in the context of family relations (stepmother (ersatz mother), stepfather (ersatz father); ersatz parents; ersatz grandmother / grandfather, surrogacy) analyze tales recorded outstanding folklorist I.A. Khudyakov.

Keywords: ersatz relationships, subculture of childhood, child, folk, fairy tale, I.A. Khudyakov, ersatz mother, stepmother, ersatz father, stepfather, ersatz parents, step-daughter.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению специфических моделей отношений в субкультуре детства, необходимо, во-первых, охарактеризовать феномен эрзац-отношений, а во-вторых, исследовать личность И.А. Худякова и его деятельность.

Эрзац-отношения являются отношениями-заменителями, в которых один или несколько субъектов выполняют роль аналогичных субъектов, не имеющих возможности участвовать в контактах лично. Опосредованность определяет создание новой роли и статуса. Иногда можно встретить синоним с негативным оттенком – «суррогат», но важно понимать, что не каждое эрзац-отношение есть выражение личной трагедии, насилия, лицемерия и прочих отрицательных качеств.

На протяжении своей жизни человек неоднократно вступает в указанные контакты. Они могут носить кратковременный или длительный характер. Особое значение приобретают для ребенка, поскольку часто в раннем возрасте он сталкивается с новым типом отношений, к которым не все участники взаимодействия оказываются готовы. Более того, ребенок – слабозащищен, и самостоятельно он зачастую не имеет возможности справиться с проблемой.

Мной выделено шесть моделей эрзац-отношений в субкультуре детства в контексте родственных связей: 1) мачеха (эрзац-мать); 2) отчим (эрзац-отец); 3) эрзац-родители; 4) эрзац-бабушка / дедушка; 5) суррогатное материнство. В трех первых могут присутствовать эрзац-сестры / братья (сводные). Это формы индивидуальных эрзац-отношений, но существуют также и коллективные, которые выступают в качестве 6-й модели – коллективный эрзац-субъект.

Генезис замены субъекта имеет различные причины – смерть, развод, лишение родительских прав и пр. В любом случае для ребенка это является стрессовой ситуацией. Потеря родного человека и замена его чужим – в любом возрасте проблема, которая иногда не находит решения. Срабатывает здесь и дуалистический, амбивалентный архетип «Свое – Чужое», «Мы – Они». Последняя формула особенно актуальна для двух первых моделей (я и родная мать – «мы», отчим – «он», чужой), (я и родной отец – «мы», мачеха – «она», чужая). Интересно, что одна из современных телепередач «Ты нам подходишь» (телеканал «Домашний»), в которой преследуется цель познакомить людей, желающих вступить в брак, учитывая, что у одного из них (как вариант) есть ребенок/дети. Нужно заметить, что один из положительных моментов этого проекта заключается в том, что ребенок, как и другие родственники, имеет право голоса, он наравне со своим родителем пытается узнать нового человека, наладить контакт, дать совет.

С самого раннего детства ребенок начинает знакомство с материнским фольклором (потешки, пестушки и пр.), далее он с интересом слушает сказки. А.С. Макаренко обозначает этот процесс как воспитание культурных навыков. В силу идеологических причин, обусловленных политикой советского государства, педагог резко отрицательно относился к тем сказкам, в которых присутствует нечистая сила, различные духи (рода, природных пространств, судьбы, болезни, смерти и пр.), а также представители границы миров, например, Баба-Яга. А.С. Макаренко считает, что подобные сказки следует читать детям старшего возраста, но не младшего, поскольку первые, по его выражению, «уже хорошо вооружены против древней темной выдумки» [1, с. 81]. Он конкретизирует: «Это вооружение позволит им увидеть в сказке только художественную выдумку (курсив мой. – С.Е.), скрывающую за образами разных чудовищ вообще нечто враждебное и злое по отношению к человеку» [1, с. 81].

Очень жаль, что великий педагог видел в сказке лишь выдумку. В.Я. Пропп же усматривал в ней уникальные исторические корни. В частности, в основе многих сказочных мотивов лежат представления предков о мироустройстве, о загробном мире, о смерти; часть из них выражает специфику действовавших социальных институтов, обрядов, одним из которых была инициация. В пику А.С. Макаренко В.Я. Пропп резюмирует: «Мы нашли, что композиционное единство сказки кроется не в каких-нибудь особенностях человеческой психики, не в особенности художественного творчества, оно кроется в исторической реальности прошлого» [2, с. 353].

Соответственно, данные сказки, как аккумуляторы метазнания предков, информации об их мировоззрении, заслуживают безусловного внимания, уважения и тщательного изучения. С детьми более старшего возраста возможно проводить исследовательскую

работу по поиску таких исторических основ при условии, что в младшем возрасте они были уже знакомы с этим жанром фольклора, увлечены им, а теперь стремятся понять его глубины.

Но в данной статье мы обратимся не только к волшебным сказкам, но и бытовым. Следует заметить, что чтение сказок, в которых имеют место эрзац-отношения, не должны пугать родителей. Эрзац-отношения – это возможное реальное развитие семейного конструкта. Ребенок должен знать о его существовании. Сказка выступает адаптированным средством социализации и инкультурации: она содержит знания о болезни, смерти, предательстве. В определенной степени это некое «сказочное» проигрывание жизни, в которой, к несчастью, присутствует смерть самых близких, родных людей, сиротство.

Большой вклад в собирание фольклора в середине XIX века внес Иван Александрович Худяков (1842–1876). Он был этнографом, фольклористом; награжден в 21 год медалью Русского географического общества за большую проделанную работу. И.И. Срезневский видел его в 24 года уже академиком. Как и известный славист, он ходил по великорусским губерниям и старательно записывал образцы народной словесности. Одним из итогов деятельности стала книга «Великорусские сказки», вышедшая в 1860–1862 годах (3 выпуска). В его планах было издание фольклористического серьезного научного журнала «Сказочный мир», на страницах которого публиковались бы материалы по мифологии, различным жанрам фольклора; переводы отдельных памятников зарубежной народной поэзии; библиографические обзоры. Но в дальнейшем он приобщился к революционной деятельности, проходил по делу Д.В. Каракозова, был сослан.

Важно заметить, что параллельно с ним свою коллекцию сказок выпустил А.Н. Афанасьев, который приобрел большую популярность. Это объясняется главным образом тем, что последний их литературно обрабатывал, тогда как И.А. Худяков считал, что это приводит к нарушению целостности народного слова, образа, идеи. Вместе с тем он не всегда видел важным фонетическую и диалектную составляющую. Но текст зафиксированной сказки он воспринимал готовым произведением, которое нельзя изменять. Такое разное отношение фольклористов к собранному материалу обусловлено тем, что А.Н. Афанасьев не сам искал сказки, ему их присылали. Соответственно, наслаивалось субъективное восприятие корреспондентов, терялся первоначальный вариант, данный информатором. И.А. Худяков же самостоятельно ездил, записывал. Особенно много материала для книги «Великорусские сказки» было найдено в Рязанской губернии, преимущественно в Зарайском и Рязанском уездах.

Необработанность сказок создает определенную трудность для детского восприятия, поэтому здесь целесообразно последовать совету А.С. Макаренко, считавшего, что «для рассказывания малым детям многие сказки нужно, конечно, сокращать, доводить сказку до полного понимания» [1, с. 81]. Хотя и И.А. Худяков был против такого вмешательства, но, думается, такая адаптированность поможет понять суть произведения, а позже, с возрастом, вернуться к его изначальному варианту, чтобы перечитать, провести исследовательскую работу, о которой было сказано выше.

Перейдем непосредственно к анализу обозначенных моделей эрзац-отношений в субкультуре детства в контексте родственных связей на основании сказок, собранных И.А. Худяковым. Сказки о неполных семьях, без эрзац-субъектов, не рассматривались.

1 модель (эрзац-мать, мачеха)

Это один из наиболее обширных блоков, в который включены сказки об отношениях типа «мачеха – падчерица». Как правило, пасынок как субъект не упоминается.

В сказке «*Переновое чудо*» (Рязанская губерния, Зарайский уезд, с. Мишино) интересна схема выбора эрзац-субъекта: умирающая отдала мужу свое кольцо с тем, чтобы он женился только на той, которой оно подойдет. Кольцо пришлось в пору их дочери, на что отец отреагировал положительным решением в соответствии с волей почившей жены [3, с. 84]. Аналогичный мотив – тема угрозы инцеста – прослеживается в сказке «*Маши-ка-сопливка*» (Рязанская губерния, Зарайский уезд, с. Мишино), в которой кольцо матери, оставленное сыну с тем же наказом, приходится в пору его сестре [3, с. 85]. Последний

сюжет повторяется и в сказке «Дитя-волшебник» (Рязанская губерния, Зарайский уезд, с. Плуталово) [3, с. 156-162]. Во всех случаях кровосмешения не происходит, что можно интерпретировать как следование древнему запрету, табу на это действие.

Отвечает первой модели в полной мере сказка «Строева дочь» (Рязанская губерния, Зарайский уезд, с. Мишино), в которой семья представлена по отношению к девушке следующими субъектами: родным отцом, мачехой (эрзац-матерью), сводной сестрой (эрзац-сестрой). Характер взаимоотношений типичен: мачеха загружает падчерицу работой, не кормит [3, с. 92].

Мотив избавления мачехой от родных детей отца отражен в нескольких сказках, например, «Аленушка и братец» (Рязанская губерния, Зарайский уезд, с. Мишино) [3, с. 92].

В селе Жолчино Рязанского уезда Рязанской губернии И.А. Худяков записал сказку «Падчерица», в которой очевиден характер эрзац-отношений (дочь, родной отец, мачеха, сводная сестра). В ней также мачеха с вынужденного согласия отца прогоняет падчерицу в лес [3, с. 122-124].

В Казани И.А. Худяков зафиксировал две сказки «Мачехина дочь и падчерица» и «Опять падчерица и мачехина дочка». Несмотря на практическую идентичность названий, модели эрзац-отношений отличаются: в первой – дочь, родной отец, мачеха, сводная сестра (дочь мачехи); во втором – дочь, родной отец, мачеха, сводная сестра (рождена в общем браке). Также сюжет выстроен на изведении падчериц [3, с. 227-228].

2 модель (эрзац-отец, отчим)

В сказке «Бова-королевич» (Рязанская губерния, Рязанский уезд, с. Жолчино) эрзац-отношения приняли крайне отрицательную форму, поскольку отчим поставил условие: если она не изведет своего сына, то мужчина откажется от нее. Родная мать предприняла попытку отравления сына, к счастью неудачную [3, с. 152-154]. Интересно, что И.А. Худяков данную сказку относил к литературным произведениям книжного происхождения.

3 модель (эрзац-родители)

Данная модель не получила широкого распространения. Вместе с тем в сказках часто прослеживается мотив подмены детей. Так, и в сказке из записей И.А. Худякова «Царь Соломон» (Рязанская губерния, Зарайский уезд, с. Мишино) царский ребенок, которого собиравась убить собственная мать-королева, был найден кузнецом, тогда как его родного сына отобрал царь. Для обоих детей семьи кузнеца и царя являлись заменителями, они были для них эрзац-родителями [3, с. 112-114].

4 модель (эрзац-бабушка / дедушка)

Эрзац-бабушка / -дедушка не встречается в записях народной словесности, что обусловлено сильными отношениями такого социального института, как община.

5 модель (суррогатное материнство)

Казалось бы, этот социальный феномен не имеет места в фольклоре. Но существует комплекс сказок, в которых сюжет включает элемент появления детей посредством некой волшебной силы в различных объектах. Думается, что такой акт безвозмездного дарения бездетным желанного ребенка с необычными способностями (рост, сила) можно рассматривать как вариацию суррогатного материнства. В сказке «Липунюшка», записанной И.А. Худяковым в с. Жолчино Рязанского уезда Рязанской губернии, появление ребенка описывается следующим образом: «Вот старуха отпряла хлопчеч, положила в столбочек» [с. 149].

Снегурушка из одноименной сказки (Нижегородская губерния, Ардатовский уезд, с. Котовка) также была создана бездетным стариком и старухой из снежного шара, положенного в печку [3, с. 193-194].

6 модель (коллективный эрзац-субъект)

Данная модель не нашла практического воплощения в фольклоре, что объясняется крепкими общинными отношениями, о которых было сказано в четвертой модели.

Таким образом, в сказках, записанных И.А. Худяковым, отчетливо прослеживаются образцы четырех из шести моделей эрзац-отношений в субкультуре детства в контексте родственных связей. Наибольшее количество примеров найдено для первой модели «эрзац-мать

(мачеха)». Для моделей «эрзац-бабушка / дедушка» и «коллективный эрзац-субъект» соответствующие фольклорные иллюстрации не выявлены, что объясняется сильным общинным началом.

Литература

1. Макаренко А.С. Лекции о воспитании детей. М., 1950. 103 с.
2. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. 365 с.
3. Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. М.-Л., 1964. 301 с.

References

1. Makarenko A.S. Leksii o vospitanii detei [Lectures on parenting]. Moscow, 1950. 103 p.
2. Propp V.Ia. Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad, 1986. 365 p.
3. Velikorusskie skazki v zapisiakh I.A. Khudiakova [The Great-tales in the book by I.A. Khudyakov]. Moscow-Leningrad, 1964. 301 p.

УДК 304.44

К.Г. ЖУРАХОВСКАЯ

КУЛЬТУРА И ТУРИЗМ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Жураховская Ксения Геннадьевна, аспирант Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. 40 лет Победы, 33), reshetnikova_ksenia@mail.ru

Аннотация. Постиндустриальное общество при формировании основных продуктов производства руководствуется в первую очередь необходимостью изменения роли и функциональных проявлений таких феноменов массовой культуры, как культура и туризм. Цель исследования заключается во всестороннем анализе культуры и туризма как основных феноменов проявления массовой культуры постиндустриального общества. Двум главным феноменам массовой культуры постиндустриального общества – культуре и туризму – отводится важнейшая роль, заключающаяся в генерации специфических форм освоения и адаптации современной личности к современной социокультурной действительности.

Ключевые слова: культура, туризм, культурный туризм, феномены массовой культуры, массовая культура постиндустриального общества.

UDC 304.44

K.G. ZHURAKHOVSKAYA

CULTURE AND TOURISM IN POST-INDUSTRIAL SOCIETY

Zurakhovskaya Ksenia Gennad'evna, graduate student of Krasnodar state institute of culture (Krasnodar, 40 let Pobedy str. 33), reshetnikova_ksenia@mail.ru

Abstract. Post-industrial society in the formation of the main products of production guided primarily by the need for role changes and functional manifestations of such phenomena of popular culture, as culture and tourism. The purpose of the study is the comprehensive analysis of culture and tourism as the basic phenomena of the manifestations of mass culture in postindustrial society.

The two main phenomena of mass culture in postindustrial society – culture and tourism – has a vital role in generating specific forms of development and adaptation of modern individual to contemporary socio-cultural reality.

Keywords: culture, tourism, cultural tourism, the phenomena of mass culture, mass culture of the postindustrial society.

Постиндустриальное общество, переходящее в процессе своего развития на новый этап, при формировании основных продуктов производства руководствуется в первую